

Только у нас

Известный экономист академик Н.Я. Петраков

издал книгу «Последняя игра Александра Пушкина», содержащую сенсационное открытие. Наш корреспондент Владимир Козаровецкий взял у него интервью, которое мы и предлагаем читателям нашей газеты.

— Николай Яковлевич, признаюсь, ваша книга меня поразила. Дело не только в том, что вы пролили свет на одну из самых тайных мистификаций Пушкина и едва ли не завершили истинную картину его дуэли и смерти. Интересно то, что вы ведь экономист, а совершили сенсационное открытие в пушкинистике. Вообще эта работа вполне могла бы стать основой уверенной филологической диссертации. Я понимаю, что академику Петракову нет нужды защищать какую бы то ни было диссертацию, но думаю, что не один филологический факультет счел бы за честь провести такую защиту.

— А вот тут вы как раз ошибаетесь! Подозреваю, что сегодня такую защиту не рискнул бы провести ни один ученый совет! И у меня есть основания так думать. Если у нас останется «время и место», я вам кое-что по этому поводу расскажу. Кроме того, должен заметить, что хотя открытие, о котором вы упомянули, и носит сенсационный характер, все же в моей книге не это главное. Гораздо важнее для меня — да я думаю, и для читателей — было увидеть истинный характер взаимоотношений в «четырёхугольнике» Пушкин — Наталья Николаевна — царь — Дантес.

— В вашей аргументации больше всего меня удивил факт, который от моего внимания раньше ускользнул: оказывается, под окнами квартиры Идалии Полетики, где состоялось «роковое» свидание Натальи Николаевны с якобы Дантесом, прогуливался П. Ланской, охраняя эту встречу от посторонних глаз...

— Ваше удивление мне понятно. В самом деле, если под окнами в качестве «топтуна» сторожил приятель Идалии Полетики и друг ее мужа ротмистр П. Ланской, то в квартире не мог находиться новоиспеченный поручик Дантес — мало того, что низший по чину, да к тому же еще и на 13 лет моложе Ланского. По тем временам за одно такое оскорбительное предположение можно было бы вызвать на дуэль! С другой стороны, зная, что впоследствии Наталья Николаевна вышла за Ланского и что царь накануне их брака осыпал его милостями и деньгами и сделал командиром полка, над которым шефствовал сам император (хотя Ланской должен был ехать для прохождения дальнейшей службы в Одессу), причем и согласие Натальи Николаевны, и разрешение на брак от царя были получены мгновенно; а также зная, что царь заказал придворному живописцу Гау ее портрет, что по его распоряжению — беспрецедентный случай! — портрет Пушкиной поместили в полковом альбоме, что и в медальоне на умершем царе обнаружили ее изображение, и т.д. и т.п., — зная все это, немудрено сделать вывод, что брак с Ланским был прикрытием ее отношений с императором. А тогда неизбежен и следующий логический шаг: Ланской и раньше выполнял доверительные поручения царя, а на квартире Полетики было свидание Натальи Николаевны с царем, а не с Дантесом. Тем более что Идалия Полетика была одной из «квартирдамам» Николая I, обеспечивавших его интимные свидания, — как, например, впоследствии была «квартир-дамой» Александр II Варвара Шебеко.

— Но ведь из признания достоверности этого факта следует, что Натали вешала лапшу на уши, расказывая Пушкину байку про нечаянное свидание с Дантесом, про заламывание рук и страстные речи кавалергарда.

— Совершенно верно. И, зная Пушкина, можно с уверенностью сказать, что он ни на секунду ей не поверил. Точно так же не поверили Наталье Николаевне и умные пушкинисты, прекрасно понимая, что имела место встреча с царем. Однако должен предупредить, что вы переоцениваете ее

значимость. Важнее то, что этот факт логично встраивается в цепь событий и только в этом случае имеет то значение, которое вы подразумеваете.

— То, что события вели именно к этому, из вашей книги следует неопровержимо. Но, в конце концов, дело ведь не в том, вел ли царь осаду, а в том, выдержала ли ее Наталья Николаевна.

— Я бы сказал иначе: дело не в том, спала ли (или переспала) Наталья Николаевна с царем, а в том, давали ли она и император повод для сплетен и пушкинской ревности. Но судите сами. Пытаясь вырваться из ловушки камерюнкерства, обязывающего его бывать на придворных балах с женой, 25 июня 1834 года Пушкин подает Бенкендорфу прошение об отставке. Царь в бешенстве и не просто отказывает, но заставляет забрать прошение с извинениями, натравив на Пушкина не только Бенкендорфа («Позовите его, чтобы еще раз объяснить ему всю бессмысленность его поведения и чем все это может кончиться»), но и Жуковского, который пишет откровенно злую, грубую записку Пушкину.

Какая неадекватная реакция на желание человека, неважно исполняющего свои обязанности, уйти в отставку и уехать! И что такое это «это»? Между тем подтекст бешенства царя и гнева Жуковского, который (воспитатель наследника престола!) играет во всей этой истории роль чуть ли не сводника, — этот подтекст очевиден. Пушкин не хочет признать право царя на интимные отношения с его женой и пытается им препятствовать, в то время как мужья всех любовниц Николая считали такие отношения за честь и это царское право не подвергали сомнению (как не сомневался в аналогичном праве дворянина по отношению к своим крепостным девушкам сам Пушкин). Не подвергал сомнению это право и Жуковский, чем и объясняются его слова в упомянутой, сегодня воспринимаемой как хамской, записке: «Ты человек глупый... Не только глупый, но и поведения непристойного... Надобно тебе или пожить в желтом доме. Или велеть себя хорошенько высесть, чтобы привести кровь в движение...»

Об ухаживаниях императора за женой поэта говорят и в Петербурге, и в Москве. «Свет — это скверное озеро грязи», — пишет Пушкин П.А. Осиповой в конце октября 1835 года из Петербурга. «Я имею несчастье быть человеком публичным, и, знаете, это хуже, чем быть публичной женщиной», — в разговоре с В. Соллогубом. Он вроде бы шутит в письме к Натали из Москвы («Ты кого-то довела до такого отчаяния своим кокетством и жестокостью, что он завел себе в утешение гарем из театральных воспитанниц»), но вторая часть фразы явно выдает мстительную ревность к царю: тот только что побывал в Москве, где много времени проводил с примадоннами и кордебалетом Большого театра, и Пушкин его «закладывает» своей жене! О Дантесе — ни слова, ни мысли, хотя это уже середина 1836 года, и в то же время он говорит о себе как о роконосе: «Про тебя, душа моя, идут кой-какие толки, которые не вполне доходят до меня, потому что мужья всегда последние в городе узнают про жен своих...» Да и о каком Дантесе может идти речь, если за женщиной приударяет сам император! У кого хватило бы смелости на такой вызов императору — а вот уж кем Дантес не был, так это самоубийцей!

— Но в таком случае, как же все-таки регулярно и беспардонно врали Наталья Николаевна мужу!

— В том то и дело! И понимание этого совершенно меняет отношение и ко всему поведению, ко всем поступкам Пушкина, который не только легко разгадывал ложь жены, но и всегда учитывал ее поведение в развернутой им контригре, делая на нее поправку. Вот два примера.

Дантес, по наущению императрицы, оскорбленной отказом (под явно выдуманным предлогом) Пушкина приехать на бал в честь ее рождения, изображает флирт с Натали и задерживается у нее на даче, чтобы Пушкин, вернувшись из Петербурга, застал его. Пушкин требует у жены объяснений и, подловив ее на лжи, будто Дантес говорил с ней о своих чувствах к ее сестре (вероятно, первое, что пришло ей в голову), диктует ей записку Дантесу, что он, Пушкин, не возражает против брака Дантеса с Екатериной Гончаровой. Не на шутку испуганный Дантес с этого момента вынужден изображать ухаживания за сестрой Натальи Николаевны, но, не понимая до конца, насколько опасно заводить такие игры с Пушкиным, по-прежнему продолжает изображать флирт и с Натали.

В следующий раз, рассчитывая на то, что Жуковский выведет его на прямой разговор с императором, Пушкин вызывает Дантеса на дуэль и тут же ставит жену в известность. Натали, которой уже объяснили, чем чревата для нее любая дуэль мужа, и которая ни в коем случае не хочет уезжать из Петербурга, немедленно дает знать о вызове Жуковскому — однако тот не оправдывает надежд Пушкина, уладив дело с помощью хода, который подсказал в свое время сам Пушкин: Дантес вынужден жениться на сестре Натали.

— Получается, что из «четырёхугольника» в дуэли не был заинтересован никто, кроме Пушкина, который был готов на ссылку, лишь бы уехать из Петербурга: Наталья Николаевна теряла царя, свет и Петербург, царь терял Наталью Николаевну, Дантес — карьеру в России.

— Именно так. Потому что все они и

Последняя игра

действовали согласованно, спасая положение. Есть свидетельства дочери Николая I, что он заставил Дантеса жениться на Екатерине Гончаровой. Она была фрейлиной, и требовалось разрешение на брак от императрицы, а поскольку Дантес был католиком, необходимо было согласование с иерархами православной церкви — и все разрешения и согласования были получены в считанные дни. В то же время царь, видя, что Пушкин «неадекватно» реагирует на его «внимание» к своей жене, что он звинчен, решает «перевести стрелку» дворцовых сплетен на Дантеса. Теперь уже на правах родственника, Дантес продолжает демонстративно ухаживать за Натали, а та, поощряемая императором, тоже демонстративно принимает его ухаживания, не понимая ни того, что она становится орудием в руках тех, кто бесчестит ее мужа, ни того, что ее игра для Пушкина прозрачна.

Сложившийся расклад устраивал всех, включая и Наталью Николаевну, всех, кроме Пушкина. Но Пушкин на то и Пушкин, чтобы найти выход даже в кажущейся безвыходной ситуации: он просто не может дать им переиграть себя. Кроме того, затеявшие с ним эту игру не понимают, что он может пойти и на смерть — это выше их понимания.

— На самом деле Пушкин уже знал, что ему пришла пора умереть — но по другой причине. Его болезнь грозила ему маразмом, если не сумасшествием, ее симптомы ежечасно напоминали о приближении этого жуткого рубежа и о необходимости быстрее ухода из жизни. Я писал два года назад в «Новых Известиях» об этом исследовании Александра Лациса...

— Вы имеете в виду работу Лациса «Почему Пушкин плакал?»

— Да, ее. Я полагаю, что именно

это стало причиной смертельных условий дуэли. Ведь если бы речь шла только о защите чести и достоинства, Пушкину было бы достаточно дуэли без тяжких последствий, самого ее факта, поскольку минимальным наказанием за дуэль была ссылка, а в ссылку, как вы и полагаете, он рассчитывал уехать с семьей. Но ему надо было уходить, и в такой ситуации он решил хлопнуть дверью.

— К сожалению, вашу статью я пропустил, а работу Лациса в его книге «Верните лошадей!» прочел только недавно, когда моя книга уже была издана. Это интересная версия, но я бы сказал так: среди причин смертельных условий дуэли могла быть и названная вами. Не случайно же Взвешский обмолвился: «Эта история окутана многими тайнами...»

— Обратите внимание на то, что, начиная с 1830 года, то есть еще до женитьбы на Натали, Пушкин то и дело подминает свою смерть. И если даже инстинктивно он мог делать некие движения для сохранения жизни, мысль о неминуемой, необходимой смерти последние годы не оставляла его.

— Это так, но я против того, чтобы считать единственной целью дуэли самоубийство. Пушкин использовал дуэль и для того, чтобы защитить свою честь и честь дуры-жены, и для того, чтобы ответить императору, которого он не мог вызвать на дуэль, и для того, чтобы за участие в оскорбительных для Пушкина играх наказать Дантеса, карьера которого в России, независимо от исхода дуэли, должна была быть разрушена. При этом Пушкин так обставил дело, что своей смертью навеки приклепал к этому трагическому действу не только Бенкендорфа, но и самого царя: он не

только сделал достоянием истории его поведение, но и вынудил его принять прямое участие в убийстве вместе с Дантесом, когда Николай позволил (если не «посоветовал») Бенкендорфу отослать жандармов в противоположную сторону вместо того, чтобы предотвратить дуэль. Как бы Бенкендорф ни относился к Пушкину, без санкции царя он не посмел бы принять такое решение самостоятельно.

Словом, Пушкин так хлопнул дверью, что отзвуки слышны до сих пор, чему лучшее подтверждение — наше интервью. Но для достижения всех этих целей понадобилась целая цепочка пушкинских мистификаций.

— Мы подошли к самому интересному моменту вашей книги. Как, в какой момент вы догадались, что автором пресловутого «диплома роконоса» был сам Пушкин?

— В принципе это понимание пришло именно так, как оно описано в книге, — в процессе анализа пушкинских текстов.

Среди документов, имеющих отношение к этой дуэли, четыре играют первостепенную роль и все четыре в той или иной мере мистификационные: «диплом роконоса», полученный друзьями Пушкина и им самим 4 ноября 1836 года, письмо Пушкина министру финансов Канкрину от 6 ноября, неотправленное письмо Пушкина Бенкендорфу от 21 ноября, которое было с ним во время дуэли, и преддуэльное письмо Пушкина Геккерну. Плотность написания первых трех по времени такова, что очевидно их взаимосвязь и продуманность всей развернутой Пушкиным кампании, логика которой раскрывается с момента получения «диплома».

Рассмотрим текст этого письма как написанный неким анонимом: «Полные кавалеры, Командоры и кавалеры Светлейшего Ордена Всех

Николай I
и Наталья
Николаевна
действовали
согласованно

Александра Пушкина

Рогоносцев, собравшихся в Великом Капитуле под председательством до-стопочтенного Великого Магистра Ордена Его Превосходительства Д.Л.Нарышкина, единодушно избрали гна Александра Пушкина коадью-тором Великого магистра Ордена Всех Рогоносцев и историографом Ордена. Непременный секретарь граф И.Борх».

Все серьезные пушкинисты трактуют этот текст в одном и том же ключе: Нарышкин был супругом любовницы Александра I, а Пушкин назван «коадьютором», то есть заместителем Нарышкина. Следовательно, Наталья Николаевна, жена поэта, — наложница Николая I. И не понять этого Пушкин не мог. Как мы уже говорили, у Пушкина и без того были основания для ревности к царю; но кому было выгодно появление такого «диплома», давшего ему возможность выступить «в защиту чести и достоинства»?

Ведь придворные девушки и женщины по сексуальным ориентирам и моральным ценностям ничем не отличались от дворовых. Интимная связь с царем не только не осуждалась, но, наоборот, почиталась как знак особого расположения самодержца. Такая связь обычно была предметом придворных сплетен, что не возбранялось, но сделало ее предметом насмешки в писанном документе значило оскорбить императрицу. А вот это не просто возбранялось: дойти такой документ до тайной полиции, и она уж добралась бы до автора этого пасквиля на императорскую чету! Кто же осмелился, не побоялся состряпать такой пасквиль — причем осмелился смеяться над рогоносцем не с позиций двора, для которого забавы императора были предметом не издевки, но восхи-

щенных взглядов, а с позиций, близких скорее самому Пушкину?

Нет, включение императора в «рогоносную» интригу, использование для его обличения аналогии из интимной жизни его старшего брата и введение в контекст «диплома» И.Борха, известного своей извращенностью, — все это мог позволить себе написать только сам Пушкин.

И выгодно было появление такого «диплома» только Пушкину. Об этом свидетельствуют все обстоятельства появления и рассылки «диплома». Во-первых, Пушкин, несомненно, был в курсе мистификации, которую зимой 1835 года осуществил (и обнаружил) двадцатилетний гусар Михаил Лермонтов, написавший анонимное письмо-донос на... самого себя с целью опорочить себя в глазах родителей девушки, которую он, расстроив ее брак, влюбил в себя. На основании этого анонимного письма ему отказали от дома, и таким образом он отомстил ей за юношескую обиду. Кроме того, как раз летом 1836 года Соболевский рассказывает Пушкину правду о мистификации Мериме, опубликованной «Позлу», которую Пушкин перевел как «Песни западных славян»; Пушкин был в восторге от того, как Мериме провел и его. Наконец, сам Пушкин в январе 1837 года публикует написанную им самим мистификационную «миниатюру Вольтера» «Последний из свойственников Иоанны д'Арк» — о мнимом вызове на дуэль Вольтера, где проводит параллель «Вольтер — Дюлис» и «Пушкин — Дантес».

И посмотрите: кому был разослан этот «диплом»? Вместо того, чтобы разослать его недругам Пушкина, чтобы те позлословили и пустили его по кругу (прочти сам и дай

прочтешь другому), автор рассылает его только друзьям Пушкина — и всего семь-восемь экземпляров. В результате несколько экземпляров возвращаются к Пушкину даже нераспечатанными. Таким образом, друзьям дано понять, что Пушкин оскорблен отнюдь не ухаживаниями Дантеса, достигнута цель сохранения письма, его ограниченного распространения и минимальной утечки информации о его содержании в обществе. То есть: о письме все слышали, о нем говорят, но содержания его толком никто не знает.

И, наконец: адреса всех получателей «диплома» аноним знал досконально, вплоть до каждого этажа и поворота лестницы, что могло быть известно только человеку пушкинского круга. Этот момент не случайно во все времена тревожил пушкинистов, которым просто не хватало решимости предположить пушкинское авторство.

Второй документ — письмо Канкрину, написанное с расчетом, чтобы его обязательно прочел царь: вы, Ваше Величество, продолжаете открыто ухлестывать за моей женой, давая повод к сплетням и толкам обо мне, при этом корча из себя благодетеля, так вот, я отказываюсь от ваших подачек. А чтобы письмо наверняка попало к царю, Пушкин разглагольствует министра: «...убедительнее всего просить Ваше сиятельство не доводить до сведения государя-императора...»

Естественно было для министра по прочтении «прошу не доводить до сведения» немедленно мчаться к царю на доклад, а Николаю, разосланному этим напрямую к нему обращенным «ваших подачек нам не нужно», через министра финансов отказать Пушкину в погашении его

долга предложенным им способом. Но для Пушкина это было и не важно: написав такое письмо, он фактически освободил себя от каких бы то ни было обязательств перед царем.

Третий документ — письмо Бенкендорфу от 21 ноября 1836 года, в котором Пушкин мистифицирует одновременно власть, свет и друзей, — этот образец мистификации имеет смысл тоже привести целиком:

«Граф! Считаю себя вправе и даже обязанным сообщить вашему сиятельству о том, что недавно произошло в моем семействе (посыл Николаю Павловичу). Утром 4 ноября я получил три экземпляра анонимного письма, оскорбительного для моей чести и чести моей жены (в чем оскорбительность, не сказано; вздрогните, Ваше Величество, если вы его еще не прочли). По виду бумаги (можно было купить в любом писчебумажном магазине), по слогу письма (что за препятствие для Пушкина — слог?!), по тому, как оно было составлено, я с первой же минуты понял, что оно исходит от иностранца, от человека из высшего общества, от дипломата (история с Нарышкиной была уже почти забыта, тем более не знали ее дипломаты). Я занялся розысками. Я узнал, что семь или восемь человек получили в один и тот же день по экземпляру того же письма, запечатанного и адресованного на мое имя под двойным конвертом. Большинство лиц, получивших письма, подозревая гнусность (вот как я квалифицирую ваше поведение, Николай Павлович), их ко мне не переслали (ага, утечка возможна!).

В общем все были возмущены таким подлым и беспринципным оскорблением (вы, Николай Павлович, подлец!); но, твердя, что поведение моей жены было безусловно, говорили, что поводом к этой низости (еще один эпитет поведению императора) было настойчивое ухаживание за нею гна Дантеса. Мне не по-

добало видеть, чтобы имя моей жены было в данном случае связано с чьим бы то ни было именем... (Мы ведь понимаем, что дело тут не в Дантесе?) Тем временем я убедился (как?), что анонимное письмо исходило от господина Геккеря, о чем считаю своим долгом довести до сведения правительства и общества. Будучи единственным судьей и хранителем моей чести и чести моей жены и не требуя вследствие этого ни правосудия, ни мщения, я не могу и не хочу представлять кому бы то ни было доказательства того, что утверждаю».

Письмо короткое, но удивительно емкое, выверенное до каждого слова — и каждым словом обращено не к Бенкендорфу, а к царю.

— Характерный для Пушкина эпиграмматический ход: сказать все, что думаешь, практически в глаза обидчику, формально обустроить все так, будто речь о другом человеке.

— Ну да, и, понимая, о ком и о чем идет речь, Бенкендорф должен был стать невольным посредником в передаче этой эпиграммы. Но письмо не было отослано Бенкендорфу (да это тогда и не входило в планы Пушкина) — оно было лишь показано Жуковскому, чтобы испугать его и заставить организовать встречу Пушкина с царем. Жуковский пришел в ужас (это видно из оставленного им письменного свидетельства) и на этот раз такую встречу тут же организовал — через два дня, 23 ноября.

И наконец четвертый документ — преддуэльное письмо. Оно общеизвестно, а здесь для нас важен следующий абзац:

«Поведение вашего сына, — пишет он Геккерю, — было мне давно известно и не могло оставить ме-

ня равнодушным. Я довольствовался ролью наблюдателя с тем, чтобы вмешаться, когда почту нужным. Случай, который во всякую другую минуту был бы мне крайне неприятен, пришелся весьма кстати, чтобы мне раздеться: я получил анонимное письмо».

По Пушкину, не письма явились катализатором вызова на дуэль, а наоборот, решение «раздеться» «случайно» совпало с получением письма! Какая, однако, удача — эти самые письма, подвернувшиеся в нужный момент! Главное, эти письма в тот момент были нужны ему одному и никому больше, потому что, как я уже говорил, сложившийся расклад устраивал всех (включая и его жену), кроме самого Пушкина! Каков мистификатор!

— Что, с вашей точки зрения, сказал Пушкин царю при втором, последнем разговоре, если тот санкционировал убийство — пусть просто закрыв на него глаза? Ведь царя, как вы сами сказали, ситуация устраивала, в то время как дуэль ситуация взрывала.

— Здесь мы вступаем в область домыслов — хотя попытка реконструировать этот разговор хотя бы в общих чертах можно. Я думаю, что поведение Пушкина, стремившегося вырвать жену из дворцового круга, не устраивало Николая, поскольку тот не на шутку влюбился в Наталью Николаевну. Он пытался успокоить Пушкина в первом разговоре 23 ноября, но оба остались при своих намерениях. Поэтому, когда Пушкин спровоцировал вторую встречу, за 3 дня до дуэли, скорее всего, оба были готовы идти до конца. Отсюда следует, что Пушкин жестко высказал царю в глаза все, что он думал по его поводу, и в этом разговоре император попросту струсил. Местью за этот пережитый в разговоре страх и стало прямое участие в убийстве, но рефлексия по поводу пережитого страха и сознание вины не оставляли Николая до смерти — это хорошо видно по его «воспоминаниям» об этом разговоре.

— Ну что ж, это только еще раз подтверждает, что Пушкин вполне осознанно шел на смерть. Николай Яковлевич, а почему вы считаете, что ни один ученый совет не рискнул бы провести вашу защиту? По-моему, логика вашего анализа безупречна.

— В том-то и дело, что с опубликованием «Игры» начинается другая логика. Я точно знаю, что на книгу профессиональными литераторами были написаны развернутые рецензии в «Труд» и «Литературную газету», но и там, и там рецензии зарубили. Сначала я не понимал, почему, а после некоторых событий понял, что это закономерно.

В январе ко мне обратилась группа сотрудников Института мировой литературы (ИМЛИ) с предложением провести у них семинар с обсуждением моей книги, которая очень заинтересовала. Я согласился с условием, что будет приложено телевидение. Мы договорились на 19 февраля, я дал им штук тридцать экземпляров книги, чтобы побольше народа прочли и приняли участие в обсуждении, и договорился на телевидении. За три дня до назначенного срока мне позвонил из ИМЛИ сотрудник, назвавшийся руководителем отдела, и сказал, что он прочел книгу с огромным интересом, что обсуждение, конечно же, проводить надо, но что они просят перенести дату семинара на несколько дней, чтобы как можно большее число сотрудников успели прочесть книгу. Я сказал, что у меня могут возникнуть сложности с телевидением, но что я постараюсь передоговориться. Он должен был позвонить мне, чтобы окончательно определить дату. У нас на дворе — конец мая, а я так и жду звонка.

— Я догадываюсь, что там произошло. Но что вы сами-то знаете

об этом, коли уж вы считаете, что эти события закономерны?

— Мне рассказали, что объявление о семинаре, которые расклеили сотрудники, с самого начала договаривавшиеся со мной, в институте срывали, а 15 февраля, накануне звонка упомянутого «руководителя отдела», председатель пушкинской комиссии В.С.Непомнящий на заседании комиссии заявил, что этот семинар проводить нельзя, потому что моя книга вредна.

— Какая прелесть! А костерок из ваших книг он не предложил устроить?! Но знаете, вы меня не удивили. Я даже теперь могу с некоторой гордостью процитировать самого себя — из статьи в «Новых Известиях» двухлетней давности, где речь шла о книге А.Н.Баркова «Прогулки с Евгением Онегиным»: «Однако самая серьезная наша проблема, которую обнажает Барков, — это наши официальные институты: Пушкинский Дом, Институт мировой литературы... Его исследования убийственны для них в открытой дискуссии, и потому его открытия будут замалчиваться — точно так же, как долгие годы замалчивались открытия пушкиниста Александра Лациса». Похоже, вы попали в дурную компанию!

— Ну, попасть в такую компанию для меня — честь! Замечательную книгу Лациса я прочел с наслаждением, а перед Барковым я просто снимаю шляпу...

— К сожалению, он не сможет это увидеть: Альфред Николаевич скончался 4 января этого года.

— Вот это — большая потеря для всех нас. Должен сказать, его «Прогулки с Евгением Онегиным» — самая серьезная книга о Пушкине, какую я когда-либо читал. Я не филолог и не берусь судить о ее теоретической части, но все остальное — просто блистательное пушкиноведческое исследование! Я думаю, что книги и Баркова, и Лациса необходимо издавать массовыми тиражами.

— Да, я тоже так считаю. И думаю, что эти книги вместе с вашей в конечном итоге изменят ситуацию в пушкинистике, превратившейся в государственную кормушку, около которой толпятся «дежурные пушкинисты». Кстати, я понимаю, почему ваши книги «вредны» для тех, например, кто хочет продолжать врать о богоискательстве Пушкина, и тут Непомнящий не одинок. И.Л.Сурат, выстроившая на этом свою диссертацию, даже вынуждена была выступить по телевидению после моей публикации «Почему Пушкин плакал»: мол, да, Пушкин в последние дни взял дело в свои руки и повернул его так, что дуэль стала неизбежной, мы не знаем, почему он это сделал, — ну и не надо в этом копаться! Ваша книга «вредна» и для тех, кто спекулирует на «чисто-сердечии» и «наивности» Натальи Николаевны — тут уж у нас создана целая литература, и кто только не пролил слезу над ее горемычной судьбой, вплоть до руководителя Пушкинского Дома Н.Н.Скатова, едва ли не рыдавшего по этому поводу на одном из наших государственных телевизионных каналов! Или для тех беспардонных «пушкинистов», кто с экранов телевизоров вещает, что «если бы Натали не влюбилась в Дантеса и не было бы дуэли, Пушкин так и остался бы заурядным поэтом XIX века». Каковы ваши дальнейшие планы — я имею в виду, в пушкинистике?

— Я сейчас работаю над расширенным вариантом «Последней игры». Многие туда не попали из-за ограничений в объеме, которые я с самого начала перед собой поставил, а в истории дуэли и смерти Пушкина чрезвычайно важны и нюансы.

— Ну что ж, успехов вам в вашей «вредоносной» деятельности!